Как раненый медведь в берлоге зверует в своей лавке пьяный Никола Сидящий, не подходи близко, каждому морду морсом закрасит. А поп Сашка со своими дурачками подзуживает очередь:

— Ну, подходи, Лихобор.

— Что-же не подойду?

— Попробуй.

— Стервятина.

И летит Лихобор с разбитой рожей в базарную грязь.

Здорово, хохочет поп Сашка — ну, как ты, Барбос?

— Стервятина.

И рыжий кровью рожи своей поливает грязь.

За рыжим плешивый Щучка, Фунтик пухом летит, кумовья Опилковы, сваты Обрезковы, Тютюшкины, мусорный мужичок Бегунок, и Григорий Великий, и Сало-Макало, одного попа спасает его благодать, он смело входит в берлогу и запирается в лавке с Николой Сидящим.

Есть для прежнего русского человека страшное слово, как война, нет. Суд страшнее войны: война ахнет, как муху обухом по затылку, так кончено а суд, как мухе паутинная сеть; тут разбираются, и как из мухи паук, выпивает судья из жертвы своей каплю за каплей. И как это страшно подумать, что вот я, какой уж там я, Бог его знает, отбитый, отшитый под лопухом в дряпе сидел и этому самому я, Страшный Судья с золотой цепью велит: «с великим своим мусором и подлостью приступите...»

Больше всего на свете боялся Суда Никола Сидящий и вот, когда лавка его после побоища опять открывается, то вся очередь уже опять тут с раннего утра дежурит и все по порядку старшинства без всяких споров и торгов получают, Лихобор побольше, Барбос поменьше, Бегунок, Григорий Великий и Сало-Макало получают требухой и овечьими шейками.

Вспомнишь все это как было, и кажется прошло сто лет и рассказываешь своим правнукам, а как сообразишь, то оказывается так быстро время летело и много всего было и я летел по разливу на своей лодочке, но когда спала вода, кто остался? да все те-же самые люди.

Николу Сидящего с камня, конечно, сразу разливом сняло, где он был, что делал, как кормился — ничего не могу сказать. Раз, когда подходили казаки, я видел его на бревнах возле биржи, Никола сидел, надвинув козырек в пол лица, в черных картузах те-же, надвинув козырьки в пол лица, как вороны сидели на бревнах и другие наши купцы. Все молчали, как нам кажется, и птицы сидят и молчат, а на самом деле все отлично понимают друг друга без слов.

Дождались и ничего не дождались хорошего.

Сколько надписей сменилось на доме Николы Сидящего, в боевое время надписи были мелом, такая то рота или дивизия, потом и по настоящему: Женотдел, Утромот — чего, чего не было красным написано и расписано по дому Николы Сидящего.. И вот, наконец, появилось белым по синему: «Чайная Нэпо», застучали молотки на базаре — строили, городили ларьки, лавки, навесы, мужик попер опять весь на базар, живот стал опять раздуваться и Никола Сидящий уже весь сивый показался снова на камне, сидит, но не торгует пока и едва-ли когда-нибудь ему осмелиться — грузен как-то и даже в новых деньгах соображать плохо умеет.

Торгует в ларьке первый из очереди Николы Сидящего, Лихобор, бывший трактирный слуга, двухмиллиардные налоги не почесав в голове платит, лохматую шапку надел, дочка в шляпе ходит.

Хлестко берет и выпибало Барбос, Щучка надел галифе и стал, как журавль на тонких ногах, Фунтик, кумовья Опилковы, сваты Обрезковы, Тютюшкины, даже мусорный мужичок Бегунок ходит теперь с папиросами. Ну, а уж поп Сашка, трудно сказать, как ему стало: пожалуй, что поп проиграл. Под горячую руку в революцию отказался от Бога, в коммунисты пошел и на выгоцком деле был на заготовке кислой капусты, но не сумел уравновесить себя, был сокращен, исключен, пробовал опять в попы возвратиться — не приняли в попы и от нечего делать сколотил ларек, торгует. Дело его ничего, только весь он издергался, стонет, как воробей, клюнет и оглянется, клюнет и оглянется, возле лавочки своей минуты не постоит спокойно, раскладывает, перекладывает и то рукой держит, то ногой — смешно. И прозвали попа Сашку за живость его на базаре — Живая Церковь. И так это пошло по базару во всеобщее употребление и тот леший, когда начинает лезть и давить народ, ему укажут дорогу: — куда ты лезешь, пошел в Живую Церковь, вон там.

Бывало купец сам на резиновых шинах летит и поджилки трясутся и как не трястись, его нажива на большом поле и уж если пролетишь, то пролетишь по настоящему, а так на фунт ему какая нибудь часть копейки достается; теперь на фунт норовят пять нажить и риску нет никакого, хочешь торгуй, хочешь лежи, товар все равно дорожает, чего такому купцу бояться, его сама судьба богатит.

Ну, а если бы и пролетел, куда пролетел: ниже того, где был не упадешь. Вот почему новый купец отчаянно смел и его судьба богатит.

Зато старый купец Никола Сидящий всего боится, он теперь окончательно сел и жизнь несется мимо него. Только твердо верит Никола в одно, что всему этому будет конец. Не на что выпить больше Николе, но за то духовного вина у него в изобилии и дар пророческий открылся ему на старости лет. Из далеких глухих мест приезжают к нему залетные люди узнать, как и когда все это кончится. И Никола Сидящий по апокалипсису им точно сроки указывает.

Слушаешь, слушаешь его предсказания и досада возьмет, он одну книгу прочел и предсказывает, а я миллионы и ничего не могу предсказать, в досаде и скажешь:

— Никола Яковлевич, апокалипсис написан на греческом острове, почему же вы его так таки прямо на Россию и переводите?

— Приходите, скажет, — завтра, отвечу.

На завтра выискал строку и указывает:

— «Северные царства».

— Видите, скажет, прямо и сказано, что все сие совершится в северных царствах.

Раздосадуешься и откуда что возьмется, сам ему наговоришь от своего разума, как непременно будет в России.

— Ну?

— Приходите завтра, отвечу.

На завтра:

— Ну, как будет по-моему?

— Будет.

— Ну?

— Только будет сие на малое время.

А потом и пошел и пошел по своему вечному плану.

Перебьешь:

— Ну, на малое то время все таки будет.

— Будет, ну так что: на малое время то время тебе и поп Сашка предскажет, иди в Живую Церковь — спроси...

Так в нашем местечке после революции разделилось все на две церкви: одна у камня Николы Сидящего, мертвая церковь предсказывает на вечные времена, презирая малое время, в котором жить нам и умереть, а другая живая церковь в ларьке попа Сашки интересуется только тем, что на малое время.